

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сурков Иван Евгеньевич

Онтология прп. Максима Исповедника

5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена на кафедре истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: **Бугай Дмитрий Владимирович,**
доктор философских наук (б/звания)

**Официальные
оппоненты:** **Светлов Роман Викторович,**
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет, Институт теологии, кафедра
богословия и церковной истории, заведующий
кафедрой;

Макаров Дмитрий Игоревич,
доктор философских наук, доцент,
Уральская государственная консерватория им.
М.П. Мусоргского, кафедра общих гуманитарных
дисциплин, заведующий кафедрой;

Антонов Николай Константинович,
кандидат теологии (б/звания),
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, богословский факультет, кафедра
систематического богословия и патрологии,
доцент.

Защита диссертации состоится «16» марта 2026 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3797>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Среди центральных вопросов онтологии в философии поздней Античности и Византии особое место занимают вопросы о том, что представляет собой Первоначало и каким образом с ним соотнесен наш мир. Согласно как неоплатонической, так и христианской перспективе, мир получает бытие и свои важнейшие атрибуты исключительно через приобщение к Первоначалу или тому, что из него «исходит». Для неоплатоника между Единым и материальным миром располагается иерархия соподчиненных уровней реальности. Для христианина же между Творцом и творением пролегает пропасть (χάσμα), а связующим звеном между ними выступает совокупность Божественных атрибутов (совершенств, действий, энергий), которые Бог по Своей воле делает общими для Себя и мира, «приобщимыми» (μεθεκτά) для тварного. Мыслители того времени локализовали в этом промежуточном уровне важнейшие трансцендентальные¹ характеристики всякого сущего: «Бытие», «Благо», «Истину» и т. д. Именно они делают возможным существование и совершенствование мира. В этом контексте «существовать» в византийской философии означает участвовать в Божественном действии.

Ключевая роль в формировании этого представления принадлежит Максиму Исповеднику. В его философско-богословском синтезе пересеклись различные традиции патристики и античной философии, а идеи Максима многое определили в последующей истории мысли, так что он нередко рассматривается в качестве фигуры, отделяющей античную философию от византийской. Учение о приобщимом действии Бога составляет концептуальное ядро всей системы Максима Исповедника: метафизики, теологии, космологии, сотериологии. Тем

¹ Мы сознательно прибегаем к этому схоластическому понятию, так как свойства, помещенные на уровень «Божественного приобщимого» в онтологии Максима являются фундаментальными, наиболее общими характеристиками всякого сущего, отличными от универсальных родов и видов и тем самым функционально схожими с *transcendentalia entis* латинской схоластики (см.: Круглов А. Н. Трансценденталии // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва: Мысль, 2010. Т. 4. С. 92). Уместность данного термина в применении к византийской философии уточняется в третьей главе.

не менее в существующих интерпретациях его онтологии данный аспект нередко остается на периферии анализа, а понятие Божественного действия, хотя уже привлекало внимание исследователей, по-прежнему недостаточно осмыслено в контексте неоплатонических моделей разрешения «апории трансцендентного начала», а также в связи с важнейшими трансцендентальными категориями. Это ограничивает полное понимание структуры его метафизики и требует дальнейшего осмысления.

Если раньше Максим Исповедник рассматривался по преимуществу в богословских – аскетических и христологических – контекстах, то сейчас он привлекает все большее внимание историков философии. В последние десятилетия, особенно в западноевропейской и американской академии, а также в Балканских странах, фигура Максима прочно утвердилась в историко-философском каноне². Это связано в том числе с тем, что византийская философия сейчас все больше укрепляет свои позиции в качестве историко-философской дисциплины, перейдя в наше время, по выражению Г. Каприева, из фазы «научной революции» в стадию «научной нормальности»³. Возросший интерес к позднеантичной мысли, в частности к философии неоплатонизма, позволяет рассматривать Максима в широком интеллектуальном контексте эпохи. Появляются критические издания важнейших трудов Максима Исповедника, выходят, в том числе в России, масштабные комментированные переводы его сочинений.

Таким образом, прояснение оснований философской мысли Максима Исповедника представляется актуальной темой исследования. Оно позволит как лучше понять его учение, так и более точно определить место Максима не только в истории богословской, но и философской мысли.

² См.: Maximus the Confessor as a European Philosopher / ed. by S. Mitralexis, G. Steiris, M. Podbielski, S. Lalla. Eugene, OR: Cascade Books, 2017. 341 p.

³ Каприев Г. История и состояние академических исследований византийской философии // Византийская философия. Четыре центра синтеза / пер. с болг. Г. В. Вдовиной; науч. ред. Д. В. Зайцев и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской духовной академии, 2022. С. 532.

Степень разработанности темы исследования⁴

Объем литературы, посвященной Максиму Исповеднику, чрезвычайно велик (библиография, составленная М. Кнежевичем в 2011 году, уже содержала 3133 наименования⁵). Разумеется, охватить весь корпус работ в рамках обзора невозможно. Мы ограничимся теми исследованиями, которые трактуют онтологию Максима целостно, в философском ключе и в интеллектуальном контексте эпохи. Для удобства изложение разделено на три группы: (1) исследования без фокуса на понятии Божественного действия; (2) интерпретации учения Максима в «протопаламитском» смысле; (3) исследования Максима как христианского неоплатоника⁶.

Среди фундаментальных исследований богословия и философии Максима особое место занимает труд С. Л. Епифановича⁷, одним из первых поставившего вопрос о нем как о философе. Он отмечал, что влияние античной мысли на Максима было опосредовано христианской традицией и проявлялось главным образом в терминологии и оформлении системы. Епифанович разбирает центральные понятия онтологии Максима, некоторое внимание уделяет и проблеме Божественного действия, которое приписывает исключительно Логосу. Энергии исследователь понимает как «вечные свойства» Логоса, тождественные сущности.

⁴ Часть материалов данного раздела диссертации впервые была отражена в следующей публикации, выполненной автором лично, которая в качестве апробации результатов исследования вышла в журнале, включенном в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова: Сурков И. Е. Онтология прп. Максима Исповедника в новейших исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024, Т. 48. No 4. С. 13–28.

⁵ Кнежевић М. Максим Исповједник (580–662): библиографија. Београд: Институт за теолошка истраживања ПБФ, 2012. 266 р.

⁶ Если исследователь позиционирует себя в качестве конфессионального богослова, при первом упоминании мы будем это указывать, так как в ряде случаев конфессиональность влияет на интерпретацию: например, православные богословы более склонны к «протопаламитской» интерпретации Максима.

⁷ Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие / ред. иеромонах Вадим (Павин). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. Репр. изд. (Киев, 1915). 144 с. Он же. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1917. XXIV. 222 с.; Он же. Преподобный Максим Исповедник, его жизнь и творения: в 2 т. / под ред. Ю. П. Черноморец, Д. С. Бирюков. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко; Киев: Киевская духовная академия; Краснодар: Изд-во «Текст», 2013.

Швейцарский патролог и католический теолог Ханс Урс фон Бальтазар в «Космической литургии»⁸ представляет онтологию Максима как христологический синтез античной философии и христианского богословия. Центральным для онтологии Максима он считает «имманентное воплощение Логоса, скрытое во всех логосах мира». Бальтазар существенно минимизирует укорененность онтологии Максима в неоплатонической традиции. Не помещая то, что мы называем «Божественным приобщимым», на отдельный уровень онтологии, Бальтазар утверждает, что у Максима «исчезают эманации “бытия-как-такового”, “жизни-как-таковой” и т. д., уступая место однозначно мирским универсальным началам»⁹. Бальтазар описывает онтологию Максима как исключительно динамичную, «сама природа есть не что иное как организованное движение»¹⁰, а «бытие» на начальном этапе существования любой разумной сущности представляет собой лишь чистое становление, которое само по себе пусто и должно быть наполнено «трансценденталиями» истинного, благого и прекрасного¹¹.

Российский историк философии В. В. Петров¹² исследует онтологию Максима в античных и патристических «релевантных контекстах»¹³, что позволяет показать трансформацию классической онтологии: переосмысление ключевых понятий и формирование собственного философского языка. Он подчеркивает несистематический характер мысли Максима, разбирая конкретные проблемы: описание единичного, универсалии, статус природы и сущности, учение о логосах; главной методикой выступает реконструкция

⁸ Впервые работа была опубликована в 1941, в существенно измененном виде – в 1961. Мы располагаем изданием 1988 года: Balthasar H. U. von. Kosmische Liturgie: das Weltbild Maximus' des Bekenner. 2., durchges. Aufl. Einsiedeln: Johannes-Verlag, 1988. 691 S. Рус. перевод: Бальтазар Г. У фон. Космическая литургия. Миросозерцание Максима Исповедника / Пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М.: Познание, 2021. 320 с.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Петров В. В. Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века. М.: Институт философии РАН, 2007. 199 с. Он же. Учение Максима Исповедника в контексте философско-богословской традиции поздней античности и раннего средневековья: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2008. С. 304

¹³ Там же. С. 140.

терминологической системы. Разработанный Петровым словарь служит необходимой основой для любого дальнейшего исследования метафизики Максима. Однако исследователь почти не уделяет внимания проблеме «приобщения» и онтологии Божественного действия.

Российский патролог и византист В. М. Лурье – один из немногих отечественных авторов, кто описывает мысль Максима как целостную «новую философскую онтологию»¹⁴. Главным ее отличием становится подчеркнутая динамичность: мир понимается не как данность, а как «заданность»; он находится в постоянном движении к обожению, приобщению к Божественной энергии, понимаемой как «движение сущности», реализующееся в конкретных «тропосах». При этом Лурье сознательно не использует паламитское различие сущности и энергий, предпочитая реконструировать собственную понятийную «грамматику» Максима.

Существенное значение для современного изучения мысли Исповедника имеет монография американского патролога и историка Церкви Пола М. Блауэрса¹⁵. В ней предлагается целостная интерпретация онтологии Максима в свете его христологии. В данной работе обозначены некоторые «трансцендентальные структуры» онтологии: опираясь на категории «теодраматики» и «теозстетики», разработанные Бальтазаром, Блауэрс предлагает целостное описание этико-эстетического измерения космологии Максима.

В новейшей литературе важное место занимает монография американского католического теолога Джорджа Д. Вуда, предлагающая «инкарнационную» реконструкцию онтологии Максима¹⁶. Вуд настаивает, что само творение мира необходимо в буквальном смысле понимать как событие Воплощения Логоса, а

¹⁴ Лурье В. М. История византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxiōma, 2006. С. 348.

¹⁵ Blowers P. M. Maximus the Confessor: Jesus Christ and the Transfiguration of the World. Oxford; New York: Oxford University Press, 2016. 367 p.

¹⁶ Wood J. D. The Whole Mystery of Christ: Creation as Incarnation in Maximus Confessor. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2022. 384 p.

отдельные логосы интерпретировать не в экземплярном смысле, а как божественные воления, через которые Логос ипостасно присутствует в каждом сущем, что делает невозможным осмысление метафизики Максима через какие-либо неоплатонические парадигмы причастности.

В целом данные исследователи стремятся реконструировать онтологию Максима Исповедника преимущественно в рамках историко-философского, христологического или антропологического подходов, не вынося проблематику приобщимого Божественного действия в отдельный предмет рассмотрения. Следующая группа ставит в центр внимания именно учение о Божественных действиях, интерпретируя онтологию Максима в связи с паламитской традицией XIV в.

Паламизм в середине XX века вышел на передний край в исследованиях восточно-христианской мысли благодаря трудам православных богословов и патрологов из кругов русской эмиграции: прот. Георгия Флоровского, прот. Иоанна Мейендорфа, В. Н. Лосского и других. Мейендорф, опубликовавший и исследовавший основные труды Григория Паламы, настаивал на «реальном различии» между сущностью и энергиями Бога в его мысли¹⁷, а онтологию Максима эксплицитно отождествлял с паламитской¹⁸; в том же ключе рассуждал и В. Н. Лосский¹⁹. Вслед за этими трудами паламитское различие стало интерпретироваться как центральный элемент византийского богословия и как его наиболее характерная особенность.

Значимый вклад в изучение метафизики Максима внес американский патролог Поликарп Шервуд²⁰, подробно исследовавший триаду «сущность –

¹⁷ Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / пер. с англ. В. Марутика. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 264.

¹⁸ Там же. С. 192.

¹⁹ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. монахини Магдалины (В. А. Рещиковой). – Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. С. 130–166.

²⁰ Sherwood P. The Earlier Ambigua of St Maximus the Confessor and His Refutation of Origenism. Rome: Pontificia Universitas Gregoriana, 1955. 325 p. Частичный русский перевод см.: Шервуд П. Ранние Ambigua преподобного Максима Исповедника и опровержение им оригенизма // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 389–496.

возможность – действительность» (ὄυσία – δύναμις – ἐνέργεια). Он указал на ее неоплатонические корни и отметил, что термин ἐνέργεια у Максима употребляется в двух основных смыслах: как внутреннее и внешнее действие. Шервуд указывает, что ряд фрагментов Максима Исповедника можно понять в духе паламизма, хотя и не столь однозначно, как это будет сформулировано в XIV веке.

Греческий богослов Василиос Караяннис предлагает систематическую реконструкцию онтологии Максима, сосредоточенную на различии Божественной сущности и энергий в связи с христологией и гносеологией²¹. Энергия понимается им как «сущностное действие», направленное вовне, общее всей Троице, при этом сущность остается непостижимой и недоступной. Караяннис подчеркивает взаимосвязь энергий и логосов: энергии присутствуют в логосах, становясь способом соединения нетварного и тварного. Учение Максима он эксплицитно сближает с мыслью Паламы, а неоплатонизм рассматривает лишь как историко-философский фон. При всей ценности исследования подход Караянниса является преимущественно богословским, вследствие чего ряд ключевых проблем остается неосвещенным.

Французский патролог и православный богослов Жан-Клод Ларше также предлагает «протопаламитскую» интерпретацию Максима, описывая энергии как «действующие божественные качества», через которые Бог открывается миру и дает возможность приобщаться к Себе²². Логосы трактуются им как предвечные основания творения, сопряженные с энергиями, но не тождественные им. Ларше отвергает существенное влияние неоплатонизма на учение Максима об энергиях.

Американский философ и православный теолог Дэвид Брэдшоу уделяет Максиму Исповеднику особое внимание в своих трудах о понятии ἐνέργεια в

²¹ Karayiannis V. *Maxime le Confesseur. Essence et énergies de Dieu*. Paris: Beauchesne, 1993. 488 p.

²² Larchet J.-C. *La divinisation de l'homme selon saint Maxime le Confesseur*. Paris: Éditions du Cerf, 1996. 764 p.; Idem. *Saint Maxime le Confesseur*. Paris: Cerf, 2003. 304 p.; Idem. *La théologie des énergies divines: Des origines à saint Jean Damascène*. Paris: Les Éditions du Cerf, 2010. 479 p.

античной и византийской мысли²³. Он выделяет три уровня онтологии Максима: (1) Бог, (2) Его энергии, (3) творения. Такое трехчастное деление Брэдшоу считает ключом к пониманию метафизической модели Максима; оно же будет неоднократно использоваться и в рамках нашего исследования. Энергии Брэдшоу также понимает в паламитском смысле и функционально отличает от логосов. Однако в его реконструкции остаются недостаточно разработанными вопросы видов и иерархии Божественных действий, а также неоплатонический контекст.

Болгарский историк философии Георги Каприев рассматривает Максима как ключевую фигуру для всей византийской мысли²⁴. Каприев исследует ключевые темы онтологии Максима, также подчеркивая ее динамичность. Учение Максима о природных и Божественных энергиях болгарский исследователь интерпретирует в смысле, близком к мысли Плотина о внутреннем и внешнем действии (хотя последний не упоминается)²⁵. Во внешней энергии Каприев также различает два вида: «экзистенциальные» энергии как вневременное Божественное действие, ограниченно выявляющие само божественное бытие, и творческие, каузальные энергии божественной воли, действующие во времени²⁶. Стоит отметить, что Каприев сознательно дистанцируется от прослеживания параллелей и «влияний» на Максима предшествующей языческой греческой философской традиции, лишь изредка выделяя некоторые сходства.

²³ Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе: метафизика и разделение христианского мира / Пер. с англ. А. И. Кырлежева, А. Р. Фокина. М.: Языки славянских культур, 2012. 383 с.; Idem. The Development of the Concept of the Natural Energies // *Phronema*. 2023. Vol. 38. P. 21–46. Idem. Divine Energies and Divine Action: Exploring the Essence-Energies Distinction. St. Paul, MN: IOTA Publications, 2023. 226 p. Idem. Maximus the Confessor // *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity* / ed. by Lloyd P. Gerson. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 2. P. 813–828.

²⁴ Каприев Г. Максим Изповедник: въведение в мисловната му система. София: Изток-Запад, 2010. 270 с. Прочие исследования философии Максима см. в обобщающих работах Каприева и отдельных статьях: Каприев Г. Византийская философия. Четыре центра синтеза / пер. с болг. Г. В. Вдовиной; науч. ред. Д. В. Зайцев и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской духовной академии, 2022. 704 с.; Он же. Логоси и энергии // *Архив за средновековна философия и култура*. 2025. С. 32–43; Kapriev G. *Byzantine Philosophy: A Systematic Perspective*. Leiden; Boston: Brill, 2025. 399 p.

²⁵ Ibid. P. 102–103.

²⁶ Ibid. P. 104.

Итак, все исследователи данной группы реконструируют онтологию Максима, выделяя в качестве ее центра учение о Божественном действии (энергии). Энергии понимаются в паламитском смысле как нетварные и приобщимые проявления Бога, отличные от сущности, но не отделенные от нее. Вместе с тем подчеркнута богословская перспектива большинства работ нередко оставляет в тени важные философские вопросы онтологии Максима: «трансцендентальные» структуры, неоплатонический контекст, проблематику причастности.

Норвежский историк философии Теодор Торстейн Толлефсен занимает промежуточную позицию между «протопаламитской» и «неоплатонизирующей» интерпретациями Максима²⁷. Он представляет его как систематического философа, чья терминология соотносится с античными школами, но наполнена христианским содержанием. Опираясь на Аристотеля (первую/вторую энтелехию) и Филопона, а также на платиновское различие внутреннего и внешнего действия, Толлефсен переосмысляет различие «сущность – энергия» в качестве разных моментов одной Божественной активности: внутреннее действие и его проявление *ad extra*²⁸. Исследователь, критикуя введенное И. Мейендорфом представление о «реальном» различии между сущностью и энергией, указывает, что необходимо отказаться от него, причем в отношении как Максима, так и Григория Паламы²⁹. Толлефсен онтологически и функционально различает Божественные действия и логосы. Кроме того, он кратко описывает виды Божественных действий, присутствующих в мире: Бытие, Благо и т. д., однако уделяет этому немного внимания. Наряду с этим, Толлефсен предлагает оригинальную реконструкцию решения Максимом

²⁷ Tollefsen T. T. *The Christocentric Cosmology of St. Maximus the Confessor. A Study of his Metaphysical Principles.* Oxf., 2008. 243 p.; *Idem. Activity and Participation in Late Antique and Early Christian Thought.* Oxford: Oxford University Press, 2012. 240 p.; *Idem. The Christian Metaphysics of St Maximus the Confessor: Creation, World-Order, and Redemption.* Turnhout: Brepols, 2023. 260 p.

²⁸ *Ibid.* P. 145.

²⁹ *Ibid.* P. 149. Отказаться от понятия «реальное различие» в этом отношении призывают многие современные исследователи, см.: 276. Pino T. A. *Essence and Energies: Being and Naming God in St Gregory Palamas.* London: Routledge, 2022. P. 21.

проблемы универсалий. Кроме этого, исследователь предложил несколько реконструкций парадигмы приобщения творения к Божественному действию. Сначала он трактовал ее как безусловно неоплатоническую³⁰, а затем перешел к более «простому» ее пониманию, который не предполагает наличия большого количества уровней приобщения³¹. Исследования Толлефсена являются одними из важнейших по теме нашей диссертации. Его подход представляется наиболее обоснованным и сбалансированным. В то же время он оставляет пространство для дальнейшего развития, в частности, в вопросе видов Божественного действия и связей с неоплатонизмом.

В противоположность предыдущему подходу, американский исследователь Эрик Д. Перл предлагает радикально неоплатоническое прочтение учения Максима³². Он рассматривает творение и обожение как тождественный процесс, соотносимый с неоплатонической триадой «пребывание – исхождение – возвращение». В его интерпретации стирается различие между энергиями, логосами и универсалиями. В результате мир предстает как абсолютная теофания, исчезает онтологическая пропасть между тварным и нетварным, принципиально важная для христианской онтологии³³.

К «неоплатонизирующей» линии примыкает диссертация канадского патролога и православного теолога Дэниэла Хайде³⁴. Автор предлагает понимать учение Максима о творении как происходящее не только *ex nichilo*, но и *ex Deo*. Хайде описывает преемственность между онтологией Максима и неоплатонизмом, а также трансформацию, выражающуюся в отказе от промежуточных между Первоначалом и миром уровней. Хайде соединяет

³⁰ Tollefsen T. T. *The Christocentric Cosmology*. P. 190.

³¹ Tollefsen T. T. *The Christian Metaphysics*. P. 169.

³² Perl E. *Methexis: Creation, Incarnation, Deification in Saint Maximus Confessor*. Ph.D. dissertation. New Haven, 1991. 327 p.; Idem, *Theophany: The Neoplatonic Philosophy of Dionysius the Areopagite*. Albany: State University of New York Press, 2007. 163 p.

³³ Amb. 7. 1077A. Петров, Бальтазар. Указ. соч. С. 72, 94. Tollefsen T. T. *The Christocentric Cosmology*. P. 62; Cf.: Thunberg L. *Microcosm and Mediator: The Theological Anthropology of Maximus the Confessor*. 2nd ed. Chicago: Open Court, 1995. P. 51.; Larchet J.-C. *Saint Maxime le Confesseur*. P. 136.

³⁴ Heide D. *The World as Sacrament: The Eucharistic Ontology of Maximus Confessor*: PhD diss. Montreal: McGill University, 2022. 299 p.

историко-философский анализ с проектом «спасения от де-сакрализации космоса» и реактуализации неоплатонизма.

Отдельные темы, касающиеся связей Максима Исповедника с неоплатонизмом, разрабатывает множество исследователей. Отметим некоторые работы: статьи М. Портару³⁵, Дж. Грейга³⁶, Ф. Лоритцена³⁷, В. Цветковича³⁸, Д. С. Бирюкова³⁹, П. Мюллер-Журдан⁴⁰, М. Констаса⁴¹.

Таким образом, онтология Максима Исповедника исследуется с различных позиций, однако ключевое учение о Божественном приобщимом действии далеко не всегда осмысляется как ее центральный элемент. Ряд вопросов остается дискуссионным: онтологический статус Божественного действия и его место в метафизике Максима; соотношение действий и логосов сущего; иерархия и разновидности действий как вечных аспектов Божественного бытия, структурирующих универсум наподобие трансценденталий; структура приобщения тварного мира к этим действиям. Неоплатонический контекст также изучен недостаточно: систематические сопоставления Максима с философией Прокла и Ямвлиха предпринимаются редко. Настоящее исследование направлено на восполнение этих пробелов.

³⁵ Portaru M. Classical Philosophical Influences: Aristotle and Platonism // *The Oxford Handbook of Maximus the Confessor*. Oxf., 2015. P. 127–148; Idem. Gradual Participation according to St Maximus the Confessor // *Studia Patristica*. 2013. Vol. LXVIII. P. 281–293.

³⁶ Greig J. Proclus' Reception; Idem, Proclus' Doctrine of Participation in Maximus the Confessor's Centuries of Theology 1.48–50 // *Studia Patristica* 75, 2017. P. 137–148. Idem. The First Principle in Late Neoplatonism: A Study of the One's Causality in Proclus and Damascius. Leiden; Boston: Brill, 2021. 346 p.

³⁷ Lauritzen F. La triade dynamis-energeia-ousia chez Maxime le Confesseur // *Essence, puissance, activité dans la philosophie et les savoirs grecs* / Hoffmann P., Casas G., Lecerf A. (dir.). Paris: Classiques Garnier, 2022. P. 327–338; Idem. Pagan Energies in Maximus the Confessor: The Influence of Proclus on Ad Thomam 5 // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2012. Vol. 52, No. 2. P. 226–239.

³⁸ Cvetković V. The Transformation of Neoplatonic Philosophical Notions of Procession (Proodos) and Conversion (Epistrophe) in the Thought of St. Maximus the Confessor // *The Ways of Byzantine Philosophy* / ed. M. Knežević. Alhambra: Sebastian Press, 2015. P. 195–210.

³⁹ Бирюков Д. Неоплатоническая тетрада в контексте темы иерархии сущего в патристической мысли: Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 2 (33). С. 287–299.

⁴⁰ Mueller-Jourdan P. Typologie spatio-temporelle de l'Ecclesia byzantine: la mystagogie de Maxime le Confesseur dans la culture philosophique de l'Antiquité tardive. Leiden: Brill, 2005. XI. 220 p.

⁴¹ Constaş M. Maximus the Confessor, Dionysius the Areopagite, and the Transformation of Christian Neoplatonism // *Analogia*. 2017. Vol. 1, No. 2. P. 1–12.

Цель исследования

Целью настоящей диссертации является реконструкция онтологии Максима Исповедника через призму учения о приобщимом Божественном действии как связующем звене между трансцендентной сущностью Бога и тварным миром с учетом патристического контекста и параллелей в позднем неоплатонизме.

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Реконструировать учение Максима Исповедника о природном действии (φυσικὴ ἐνέργεια).
2. Уточнить онтологический статус Божественного действия, а также его соотношение с «логосами сущего» в системе Максима Исповедника.
3. Реконструировать классификацию и предполагаемую иерархию видов Божественного действия (Бытие, Благо, Истина, Красота и др.) в сочинениях Максима Исповедника.
4. Описать структуру приобщения к Божественному действию в системе Максима Исповедника.
5. Сопоставить учение Максима Исповедника о Божественном действии с моделями решения апории трансцендентного начала в позднем неоплатонизме (у Ямвлиха, Прокла и Дионисия).

Объект и предмет исследования

Объект исследования: христианская метафизика Максима Исповедника, как она представлена в его сочинениях, в контексте философско-богословской традиции поздней Античности и ранней Византии.

Предмет исследования: учение Максима Исповедника о приобщимом Божественном действии и его соотношение с моделями решения апории трансцендентного начала в онтологии Ямвлиха, Прокла и Псевдо-Дионисия.

Научная новизна настоящего исследования состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной исследовательской литературе систематически описано учение Максима о «Божественном приобщимом»: показана его соотнесенность с Божественной сущностью и отличие от логосов сущего, а также роль в тварном мире.
2. Впервые в отечественной исследовательской литературе реконструирован способ омонимической предикации общих свойств Богу и тварному у Максима и прослежена философская генеалогия данного подхода.
3. Предложена оригинальная реконструкция иерархии тропосов Божественного действия как ряда трансценденций (Бытие, Благодать, Истина, Жизнь, Красота и др.).
4. Предложено оригинальное описание структуры приобщения тварного к Божественному действию с учетом неоплатонического контекста.
5. Впервые проведено типологическое сопоставление онтологических моделей решения апории трансцендентного начала в системах Ямвлиха, Прокла, Дионисия и Максима Исповедника, что позволило проследить как элементы континуитета греческой мысли, так и византийские инновации.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Работа вносит вклад в историю византийской философии и современную философскую интерпретацию христианской онтологии. Анализ раскрывает внутреннюю логику византийской метафизики и уточняет ее отличие от античных моделей. Исследование также способствует развитию более точного понимания соотношения между богословием и философией в византийской традиции. Материалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области византийской и позднеантичной метафизики, а также в преподавании курсов по истории философии, патристике, философской теологии, спецкурсов по взаимосвязям византийской философии и неоплатонизма.

Методологическая основа исследования

1. Методологической основой исследования является *историко-философский анализ* сочинений Максима Исповедника и исследовательской литературы.
2. Следуя подходу Т. Т. Толлефсена, мы рассматриваем Максима как философа, чья мысль образует целостную, хотя и требующую реконструкции, систему⁴². Поскольку важные элементы его онтологии, прежде всего соотношение Божественного действия и трансцендентного Бога, изложены фрагментарно, применяется *метод рациональной реконструкции*. Он позволяет воссоздать предполагаемую структуру его философской мысли, выявить взаимосвязи понятий и логические основания используемых формулировок.
3. Для осуществления подобной реконструкции необходимо широко контекстуализировать мысль Максима, вписав ее в философскую традицию как его времени, так и предшествующих эпох, что делает ключевым инструментом исследования также *компаративный анализ*.
4. В существенной части нашего исследования мы будем двигаться в рамках подхода, предложенного В. В. Петровым⁴³: в первой части своей монографии 2007 года исследователь сосредотачивается на *концептуальном анализе понятийной системы* Максима. Мы постараемся продолжить этот анализ, поэтому в нашей диссертации существенной является филологическая составляющая.

Источниковая база

Исследование опирается на новейшие критические издания сочинений Максима Исповедника, а в случае их отсутствия – на издания серии *Patrologia Graeca*. Привлекается весь корпус его сочинений за незначительными исключениями. Кроме этого, используются издания сочинений античных и византийских авторов: Аристотеля, Плотина, Прокла, Ямвлиха, Василия

⁴² Tollefsen T. T. *The Christian Metaphysics*.

⁴³ Петров В. В. *Максим Исповедник*.

Великого, Григория Богослова, Ареопагитский корпус, сочинения комментаторов Аристотеля и др. Цитаты приводятся частично в нашем переводе, частично – в признанных русских переводах с необходимыми изменениями.

Положения, выносимые на защиту

1. Понятие «природного действия» (φυσικὴ ἐνέργεια) и триада «сущность – возможность – действительность» (οὐσία – δύναμις – ἐνέργεια) занимают ключевое место в онтологии Максима Исповедника. Они выражают сущностную идентичность каждого сущего, круг его способностей и их реализацию в конкретных «тропосах» (τρόπος ἐνεργείας) – способах действия. Прослеживается континуитет употребления данных терминов от классической Античности через раннюю патристику к Максиму.

2. Для описания «Божественного приобщимого» Максимом используется терминология, заимствованная из рефлексии над тварным порядком: «деяния Бога» (ἔργα θεοῦ), Божественные действия/энергии (ἐνέργεια), «Божественные особенности» (θεῖα ἰδιώματα), «приобщимые сущие» (τὰ ὄντα μεθεκτά), «то, что окрест Бога» (τὰ περὶ θεόν), «исхождения» (πρόοδοι) и др. Эти наименования используются синонимично с учетом контекстуальных различий их употребления.

3. Онтологический статус Божественного действия раскрывается через триаду «сущность – возможность – действительность»: трансцендентная сущность Бога может быть истолкована как «первая действительность» / «вторая возможность» (в терминах аристотелевской традиции) или в смысле «внутреннего действия» (в платиновском смысле); а Божественное действие – как «вторая действительность» или внешнее действие.

4. Трансцендентность Первоначала выражается в том, что Бог в Себе (δι' ἑαυτόν) по сущности абсолютно неприобщим и безотносителен (ἄσχετος); тогда как в Своем действии – каузально связан с творением и приобщим. Эпистемологически это выражено через непознаваемость Божественной сущности при познаваемости Божественных действий.

5. Божественное действие и логосы сущего играют различную роль в онтологии Максима Исповедника. Божественное действие может быть описано как производящая причина, а логосы – как формальные (парадигматические) и целевые. Логосы определяются Максимом как «мысли и воления» Бога, они распределяют Божественное действие в мире и определяют для каждого сущего меру приобщения к нему.

6. Предикация каких-либо свойств одновременно и Богу, и миру возможна только в нестрогом смысле: «омонимически» (в позднеантичном смысле омонимии по приобщению) или «переносно» (катахрестически). Данная традиция восходит к Аммонии и Порфирию.

7. Божественное действие численно одно, оно является общим для всех Лиц Троицы; в тварном мире оно раскрывается как множество своих тропосов (Бытие, Благость, Истина, Жизнь, Красота и др.). Набор тропосов реконструируется как ряд трансценденталий, определяющих фундаментальные характеристики тварного мира; при этом строгая иерархия между тропосами отсутствует, а их отношения можно описать как близость вплоть до взаимной обратимости.

8. Приобщение тварного к Божественному действию имеет статичный (онтологический) и динамический (сотериологический) аспекты: первый экзистенциально необходим для самого существования творения (приобщение к Бытию), второй – для его актуализации и совершенствования (приобщение к Благу, Мудрости, Красоте и т. д.). Динамическое приобщение осуществляется через развитие добродетелей, а также сакраментально (через участие в церковных таинствах). Оно доступно, в первую очередь, для человека, а через него как посредника – для всего космоса.

9. Типологическое сопоставление Максима с Ямвлихом, Проклом и Дионисием демонстрирует континуитет ключевых онтологических интуиций греческой мысли и одновременно византийские инновации в понимании трансцендентного начала. Парадигмы приобщения у Максима и Прокла

демонстрируют глубокое структурное сходство. Также наблюдается типологическое сходство между учением Максима о Божественном действии, учением Дионисия об «исхождениях» и учением Ямвлиха о генадах; при этом у Максима и Дионисия, в отличие от неоплатоников, неприобщимый трансцендентный уровень «внутренне» принадлежит Самому Первоначалу, каузально связанному с миром через действия, а не выносится в отдельный уровень.

Степень достоверность и апробация результатов диссертационного исследования

Основой исследования является анализ сочинений на оригинальных языках с опорой на новейшие, признанные в академическом сообществе издания. В работе также используется широкий корпус классической и современной специализированной литературы. Применяются релевантные историко-философские и филологические методы анализа.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и результаты диссертационной работы были апробированы в докладах на конференциях и семинарах:

1. Апория трансцендентного начала: от Ямвлиха к Максиму Исповеднику // Семинар Сектора истории западной философии Института философии РАН «История философии: наследие и проект». 26.06.2025.

2. Отвержение воли как условие подлинной субъектности в наследии прп. Максима Исповедника // Круглый стол «Отсечение своей воли в христианской традиции», ПСТГУ. 11.06.2025.

3. Сущность и энергия: компьютерная метафора Д. Брэдшоу // конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска», МГУ им. М. В. Ломоносова. 11.12.2024.

4. Трансформация ангелологии: Ареопагитики, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин // круглый стол «Scientia angelica: наука об ангелах», Институт философии РАН. 16.05.2024.

5. Онтология прп. Максима Исповедника // Коллоквиум «Scholarium», Институт философии РАН. 30.11.2023.

6. Благо ли бытие? К вопросу о Божественных энергиях и их месте в онтологии Максима Исповедника // История философии: находки и интерпретации, МГУ им. М. В. Ломоносова. 24.11.2023.

7. Renovatio transcendentalica: понять и научиться // научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска», Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. 5–9.12.2022.

По теме диссертации было опубликовано 6 научных статей общим объемом 6,2 а. л., в том числе 5 в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Структура исследования

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Максим Исповедник описывает связь Первоначала с миром через понятие Божественного действия, формируя трехуровневую онтологию: неприобщимая Божественная сущность – приобщимое Божественное действие – приобщающиеся сущие. Чтобы реконструировать эту систему, мы движемся «снизу вверх».

Глава 1. «Природное действие» (далее ПД) и триада «сущность–возможность–действительность» (далее – СВД). В §1.1. описывается становление и развитие понятий возможности ($\deltaύναμις$) и действительности ($ἐνέργεια$) в античной философии. Вначале проводится анализ аристотелевского учения о различных видах возможности и действительности, о первой и второй энтелехии и их развитии в комментаторской традиции, что позволяет выявить структуру, сходную с позднейшей триадой. Затем прослеживается развитие данных понятий в неоплатонизме: анализируется учение Плотина о внутреннем и внешнем действии, а также формирование триады СВД в метафизике и психологии Ямвлиха и Прокла.

В §1.2. анализируется предшествующая Максиму патристика. Отмечается, что отцы-каппадокийцы и Дионисий применяют триаду в метафизике и теологии с особым вниманием к непознаваемости сущности Бога, проявляющегося в действиях. Кирилл Александрийский, развивая учение о ПД, формирует концепцию, во многом схожую с учением Плотина.

В §1.3. реконструируется учение самого Максима. Он разъясняет смысл ПД через понятия, которым посвящены подразделы параграфа. В §1.3.1. анализируется связь ПД с сущностным качеством. Через исследование логических категорий Максима показано, как ПД выявляет идентичность вещи – ее ποιότης (качество), ιδιότης (свойство), διαφορά (различие). Здесь же рассматривается понятие «то, что окрест сущности» ($\tauὰ περὶ οὐσίας$). В §1.3.2. демонстрируется, что посредством связи с «определением»/«пределом» (ὄρος) ПД раскрывается как «граница» каждой сущности, задаваемая через ее логос,

божественный акт воли. Кроме того, именно ПД служит основанием для определения сущности и, следовательно, играет значимую эпистемологическую роль. В §1.3.3. ПД рассматривается в качестве δύναμις – внутренней «составляющей» силы сущности. Опираясь на аристотелевское учение о первой и второй энтелехии, развитое в комментаторской традиции, а также на платиновскую концепцию внутреннего и внешнего действия, описывается, как ПД раскрывает все термины триады СВД: во внутреннем порядке – конституируя сущность, во внешнем – проявляя. В §1.3.4. подчеркивается связь ПД с движением (κίνησις) и его сотериологический христианский смысл. В §1.3.5. вводится понятие «тропос действия», индивидуальное проявление общего для каждого вида ПД в конкретных актах. За счет тропоса единая природа реализуется по-разному в каждом случае, не изменяя своего исходного содержания. Проведенная реконструкция служит основанием для перехода к изучению «Божественного приобщимого» в последующих главах.

Глава 2, «**“Божественное приобщимое” в онтологии Максима Исповедника**», посвящена исследованию «среднего уровня» его онтологии. В §2.1. уточняются термины и рассматривается контекст их употребления. Данный параграф построен как подробный комментарий к ключевым текстам Исповедника на данную тему; наряду с анализом терминологии здесь отмечаются ключевые моменты учения.

В §2.1.1. разбирается понятие «деяния (ἔργα) Бога». Указывается, что Максим различает два вида «деяний»: «начавшие бытие во времени» (сотворенные сущие) и «не имеющие начала во времени» (Благость, Жизнь, Бессмертие, Добродетель и др.). Первые происходят из небытия, вторые – из Бога, и потому вневременны. Соотношение последних с тварным миром раскрывается через понятие «врожденной силы» (δύναμις ἔμφυτος), благодаря которой нетварные «деяния» присутствуют в сотворенных сущих «по благодати». Это делает их основанием бытия и фундаментальных свойств тварного. Вместе с тем Максим подчеркивает: хотя приобщение к «деяниям»

есть приобщение к Богу, они не тождественны Его сущности, и Бог их «беспредельно» превосходит.

В §2.1.2. рассматривается понятие «Божественные Действия» (ἐνέργεια). Максим определяет «действия» как то, что «очерчивает Лицо Божие» – Благо, Кротость, Человеколюбие и т.п., указывая на их приобщимость для человека. Он различает атрибуты, которые переданы душе природно («по образу») и те, которые даны как возможность выбора ради уподобления Богу («по подобию»). Здесь же анализируется учение о «действиях Святого Духа», которые, согласно Максиму, представляют собой множественные проявления одного Божественного действия, проявляющегося в дарах Духа.

§2.1.3. посвящен понятиям «Божественные свойства», «особенности» (τὰ θεῖα ἰδιώματα), качества (ποιότης), «то, что окрест Бога» (τὰ περὶ θεόν). Утверждая абсолютную простоту Бога, Максим вводит важное уточнение: приписывание Ему качеств возможно только по аналогии, иносказательно (καταχρηστικῶς), а не в строгом смысле. Однако определенные Божественные свойства оказываются общими для Творца и твари. Чтобы избежать их смешения, Максим обращается к учению об омонимии свойств: общие именованья не подразумевают сущностного тождества. Прослеживается генеалогия учения об омонимической предикации: оно восходит к Аристотелю, получает развитие в комментаторской традиции, в которой вводятся различные типы омонимии, включая омонимию по приобщению (κατὰ μέθεξιν). В §2.1.4. анализируются прочие редкие термины. Все рассмотренное позволяет определить «Божественное приобщимое» у Максима как совокупность нетварных, вневременных проявлений Божественной природы, которые, сохраняя связь с Богом как своим источником, не нарушают трансцендентности Его сущности, не сливаются с ней и не раскрывают ее в полноте, но делают возможным реальное приобщение тварного к Божественному.

Еще одним важнейшим для онтологии Максима является понятие «логосов сущего», также играющее ключевую роль в соотношении Первоначала и мира.

Многие исследователи интерпретируют логосы как вид Божественных действий. В §2.2. рассматривается соотношение данных понятий. Учение о логосах определяется как вариант христианского экземпляризма, имеющий как платонические, так и библейские истоки. Логосы являются предвечными мыслями-волениями Бога о сущем. Они определяют природу каждого сущего – как универсалий, не отождествляясь с ними, так и партикулярий – а также задают его цель. В отличие от статичных платоновских идей, логосы Максима имеют динамический и сотериологический характер, выражаемый через триаду «бытие – благобытие – присноблагобытие». В параграфе показывается, что в системе Максима логосы выполняют функцию формальных и целевых причин, тогда как Божественные действия – производящей причины. Логосы не являются непосредственными объектами приобщения для тварного, но дифференцируют и распределяют Божественное действие, определяя меру приобщения каждого сущего. Учение о логосах имеет выраженное христологическое измерение: все логосы едины в Логосе, Ипостаси Христа.

В §2.3. суммируются результаты предыдущего анализа и в систематическом виде уточняется онтологический статус Божественных действий. Максим утверждает, что Бог «по сущности» (κατὰ τὴν οὐσίαν), остается абсолютно непознаваемым и неприобщимым. Он может быть назван «Сверхсущим» или даже «Небытием», поскольку превышает сферу сущего. При этом Бог «по действиям» приобщим и являет Себя через множество проявлений, которые, как указывает Максим, одновременно и тождественны Богу, но в то же время Он их «в беспредельное число раз беспредельно» превосходит. Бог каузально соотносится со своими действиями, но в Себе (δι' ἑαυτὸν) остается безотносительным (ἄσχετος). Таким образом, Бог является «Началом, Серединой и Концом» для творения, однако Сам по Себе свободен от категории отношения и не ограничивается своими атрибутами. В параграфе к Богу применяется вывод из главы 1. Вслед за Т. Т. Толлефсеном онтологический статус Божественного действия раскрывается с помощью триады СВД: трансцендентная сущность Бога

может быть истолкована как «первая действительность» / «вторая возможность» (в терминах аристотелевской традиции) или в смысле «внутреннего действия» (в платиновском смысле); а Божественное действие – как «вторая действительность» или внешнее действие. В итоге делается вывод: учение о «Божественном приобщимом» у Максима представляет собой онтологическую модель, удерживающую одновременно радикальную неприобщимость Божества по сущности и реальную приобщимость по действиям. Это обеспечивает возможность связи трансцендентного начала и сотворенного мира без нарушения божественной простоты.

В параграфе §2.4. предлагается реконструкция иерархии видов (тропосов) «Божественного приобщимого», то есть конкретных форм, в которых Божественное действие раскрывается в отношении к миру.

В сочинениях Максима можно выделить три группы «приобщимых» действий: (1) трансцендентальные свойства, конституирующие самое бытие мира и его фундаментальные характеристики (Бытие, Благо, Истина, Красота, Жизнь, Премудрость); (2) добродетели, доступные человеку; (3) Божественные атрибуты, становящиеся характеристиками тварного на вершинах обожения. В §2.4.1–2.4.7. проводится детальный анализ тропосов действия первой группы, что демонстрирует важную особенность философии Исповедника: в духе всей византийской метафизики онтология Максима носит отчетливо эстетический и этический (агатологический) характер. Для Максима Бытие не нейтрально, оно тождественно Благу, Красоте и Истине, а потому природа мира изначально блага и прекрасна в той мере, в какой приобщена к Богу. Делается вывод, что, согласно Максиму, в собственном смысле существует численно единое Божественное действие, множественно проявляющееся в мире в своих тропосах, а приобщение к одному из них означает возрастание во всех. В совокупности тропосы Божественного действия образуют своеобразную «трансцендентальную онтологию», в основе которой лежит интуиция, сопоставимая со схоластическим учением об обратимых трансценденталиях (*transcendentalia entis*).

Глава 3. «Приобщение тварного к Божественному действию»

посвящена исследованию этого понятия. Вводится различие между двумя видами приобщения: (1) статичное экзистенциальное, обусловленное самим фактом существования; (2) динамическое сотериологическое, разворачивающееся в истории как свободное усвоение Блага и других совершенств.

В §3.1. проводится терминологический анализ. Разбираются основные понятия, обозначающие акт приобщения: μέθεξις, μετουσία и κοινωνία. Особое внимание уделяется понятию σχέσις («отношение»), которое у Максима приобретает более фундаментальное значение по сравнению с аристотелевской традицией. Далее анализируются термины, подчеркивающие активное участие Бога в акте приобщения (существительные μετάδοσις, ἐνύπαρξις, κοινοποίησις, глагол πληθύνω и т. п.), а также понятия, выражающие восприятие Божественного действия тварными сущими (οἰκείωσις, μίμησις, ὁμοίωσις и т. п.). Завершается параграф разбором ключевого термина «обожение» (θεώσις).

В §3.2. «Статичное экзистенциальное приобщение» показано, что первый и наиболее универсальный уровень приобщения у Максима Исповедника связан с самим фактом существования творений. Это приобщение к Бытию как Божественному действию, имеющее устойчивый характер. В «Главах о любви» преподобный различает четыре Божественные свойства, общие с разумными творениями: Бытие, Вечное бытие, Благодать и Премудрость. Первые два даны сущности непосредственно и конституируют онтологическую данность творения, вторые два усваиваются через волю и открывают пространство динамического приобщения. Данное различие коррелирует с традиционным разграничением образа и подобия.

Максим Исповедник видит полноту замысла Бога о мире именно в динамическом, более полном приобщении, которое связано с движением воли разумных существ и их восхождением к Благу. Оно анализируется в §3.3. Если Бытие даруется Богом всему тварному безусловно, то участие в Благодати,

Премудрости и других Божественных совершенствах требует соработничества разумных существ. Эта динамическая перспектива раскрывается Максимом через триаду «бытие – благобытие – присноблагобытие»: если переход от первого к второму уровню зависит от свободной воли, то последний этап совершается исключительно силой благодати и «претерпевается» человеком как дар. Средствами динамического приобщения является аскетическое делание, участие в таинствах. Вне сакраментального измерения важнейшим средством приобщения является возрастание в добродетелях, которые, по мысли Максима, имеют своим основанием Самого Христа и тем самым делают человека причастным Богу как «сущности добродетелей». Максим подчеркивает универсальность этого движения: «естественные семена» Блага даны всему миру, и «даже варвары» могут достигать нравственного благородства под действием Духа. Однако в собственном и полном смысле динамическое приобщение, согласно Максиму, доступно лишь в Церкви, где человек становится членом «тела Христова» и воспринимает благодать спасения. При этом Максим неоднократно указывает, что приобщение не ограничивается человеком: весь космос призван к участию в Божественном действии, и в процессе истории творение вместе с человеком движется к обожению. В конечной перспективе оно носит эсхатологический характер.

В §3.4. предлагается реконструкция структуры приобщения. Выделяются три компонента приобщения: (1) Неприобщимое (ἀμέθεκτον): это Сам Бог per se, в Своей сущности, вне всякой связи и отношения с тварным. Это абсолютно непостижимая, неприобщимая, неизменная реальность, к которой ничто сотворенное не может иметь доступа. (2а) Приобщимое: Божественное действие, свойства, качества, явленные в конкретных «тропосах». Они существуют вне приобщимого, когда характеризуют только Бога. (2б) Приобщимое в тварном: «врожденная сила» (δύναμις ἑμφυτος) или «естественные семена» Блага, усвоенные творением в силу приобщения к (2а). Здесь Божественные качества становятся присущими творениям, проявляясь в конкретных актах, потенциях и

структурах тварного мира. (3) Приобщающееся: сотворенные «из ничего» существа – конкретные сущие, обладающие определенным устройством, которое определяет степень и форму их приобщения. Данная структура демонстрируется на конкретных примерах и иллюстрируется в подробной схеме.

Глава 4. «Учение Максима Исповедника о “Божественном приобщимом” в контексте решения апории трансцендентного начала в позднем неоплатонизме» помещает мысль Максима в широкий историко-философский контекст – проблему апории трансцендентного начала (АТН), характерную для неоплатонизма. В §4.1. анализируется учение Прокла и Ямвлиха, в §4.2. – учение Дионисия, в §4.3. проводится сравнение с Максимом.

Прокл вводит в онтологию особый уровень реальности – «генады» (ἐνάδες), единицы, которые отождествлялись с богами традиционного греческого политеизма и располагались между Единым и уровнем умопостигаемого Бытия. В его системе приобщение также описывается через триаду: неприобщимое (ἀμέθεκτος), приобщимое (μεθεκτός) и приобщающееся (μετέχον). При этом «приобщимое» подразделяется на «самосовершенные ипостаси» (αὐτοτελεῖς ὑλοστάσεις) и свойства, существующие лишь в приобщающихся. Генады опосредуют отношение Единого ко множому и обладают универсальными божественными атрибутами (благость, истина, красота и прочие), но также наделены собственными характеристическими признаками (ἰδιότητες), которые они передают приобщающимся. Прокл соотносит генады со второй гипотезой платоновского «Парменида», оставляя апофатические предикаты первой для Единого. Таким образом, введение генад позволяет Проклу сохранить одновременно и трансцендентность Единого и его связь с более низкими уровнями реальности.

В §4.1.2. анализируется учение о генадах Ямвлиха, реконструируемое по фрагментам и свидетельствам позднейших авторов. В отличие от Прокла, Ямвлих строит модель на учении о двух Единых: первое абсолютно непостижимо и невыразимо, второе же связано с космосом каузально. В его

системе генады относятся не ко второй, а к первой гипотезе платоновского «Парменида» и понимаются как различные аспекты Единого. Они не являются порождениями, но суть само нижнее Единое в его соотнесенности с конкретным множеством.

В § 4.2. исследуется учение Дионисия о трансцендентном начале и его соотношение с неоплатонической традицией. Ареопагитский корпус рассматривается как один из главных источников мысли Максима Исповедника и канал передачи ему неоплатонического наследия. В центре анализа находится понятие «исхождений» (πρόοδοι), понимаемых как Божественные силы и дары, через которые Бог соотносится с миром. В текстах Дионисия также можно видеть трехуровневую схему приобщения. В отличие от Прокла, исхождения у Дионисия не образуют отдельного уровня реальности, но представляют собой Самого Бога в Его обращенности к множественному миру. Анализ показывает, что учение Дионисия сочетает черты систем Прокла и Ямвлиха и более сходно именно с последним, одновременно привнося и собственную христианскую специфику.

В §4.3. демонстрируется, что онтология Максима сохраняет структурное сходство с неоплатоническими схемами приобщения, но в то же время их трансформирует. Его учение о Божественном действии соотносится с концепцией генад Ямвлиха и не предполагает введения самостоятельных посреднических сущностей, а утверждает непосредственную связь Первоначала с миром. Однако, если у Ямвлиха над уровнем второго Единого и генад возвышается абсолютно невыразимое и ни с чем не соотнесенное первое Единое. В христианской метафизике Максима Бог не замкнут в сверхсущностной удаленности, но лично нисходит в мир и пребывает в нем по Своим действиям. При этом Максим развивает учение Дионисия об «исхождениях» как Божественных проявлениях, дополняя его более точным категориальным аппаратом и связывая онтологию с космологическим, историческим и эсхатологическим измерениями.

В заключении диссертации приводятся выводы, соответствующие задачам и положениям, выносимым на защиту.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации была реконструирована онтология Максима Исповедника, ядром которой является учение о приобщении тварных сущих к трансцендентному Началу, Богу. На его основании Максим строит трехуровневую модель онтологии: (1) Неприобщимый по сущности Бог *per se*; (2) приобщимое Божественное действие; (3) приобщающиеся тварные сущие.

В первой главе реконструировано учение Максима Исповедника о «природном действии» и триаде «сущность – возможность – действительность». Установлено ключевое значение данных понятий для его онтологии. История данных понятий была прослежена от их появления в древнегреческой философской мысли через христианскую рецепцию – к самому Максиму, что позволило уточнить фундамент всей системы Исповедника. Во второй главе проведена реконструкция учения о Божественном действии. Показано, что для описания Божественного приобщимого Максим использует разнообразную терминологию, заимствованную из описания тварного порядка. Онтологический статус Божественного действия раскрыт через понятия аристотелевской, неоплатонической и патристической традиций. В этой же главе прояснено различие между Божественными действиями и логосами сущего. В ходе анализа выявлено, что общие имена, предикцируемые Богу и миру, употребляются Максимом «омонимически» или «катахрестически», что восходит к античной традиции. Показано также, что Божественное действие численно едино, но по своим тропосам – множественно. В структуре тропосов Божественного действия содержится ряд фундаментальных для онтологии трансцендентальных свойств (Бытие, Благодать, Истина, Жизнь, Красота и др.), находящихся во взаимной близости. Их детальное исследование показало общий эстетический и этический (агатологический) характер онтологии Максима Исповедника. В третьей главе выявлена двойственная структура приобщения: (1) статичное приобщение, обеспечивающее само существование сущего, и (2) динамическое приобщение, обеспечивающее становление сущих. Динамическое приобщение

осуществляется сакраментально и посредством развития добродетелей; через человека как оно доступно всему космосу. В четвертой главе проведено сопоставление учения Максима с моделями апории трансцендентного начала у Ямвлиха, Прокла и Дионисия. Показано как структурное сходство, так и отличие христианской мысли, в которой трансцендентность и имманентность соединяются без введения посреднических уровней и получают свое окончательное выражение в христологическом измерении. Таким образом, в диссертации решены поставленные задачи и обоснованы положения, выносимые на защиту.

IV. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. Сурков И. Е. Онтология прп. Максима Исповедника в новейших исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024, Т. 48. № 4. С. 13–28. Импакт-фактор 0,322 (РИНЦ)⁴⁴. EDN: BDFRAI. 1 п. л.
2. Савинов А. А., Сурков И. Е. Поворот к реляционности: постановка и истоки проблемы // Вопросы философии, 2025. № 2, С. 128–137. Импакт-фактор 0,310 (SJR). EDN: ICWKFN. 1 п.л.⁴⁵.
3. Савинов А. А., Сурков И. Е. Метафизика реляционности в патристической философии: Максим Исповедник // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 1. С. 5–21. Импакт-фактор 0,309 (SJR). EDN: ATULRV. 1,6 п.л.⁴⁶.
4. Сурков И. Е. Метафизика Максима Исповедника: динамика актуализации и преобразования космоса // История философии. 2024, Т. 29. № 1. С. 142–149. Импакт-фактор 0,147 (РИНЦ). EDN: YOKVGU. 0,7. п. л.
5. Сурков И. Е. Трансцендентальная онтология: схоластика, Византия, современность // История философии. 2025. Т. 30. № 2. С. 59–70. Импакт-фактор 0,147 (РИНЦ). DOI: 10.21146/2074-5869-2025-30-2-59-70. 1 п.л.

Иные публикации

6. Сурков И. Е. «Природное действие» в метафизике Максима Исповедника // Историко-философский альманах: Выпуск 9 / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Гл. ред. В.В. Васильев, отв. ред. А.В. Никандров. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2025. — С. 94–108. 1 п.л.

⁴⁴ Здесь и далее указывается двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования.

⁴⁵ Авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 50% общего объема текста.

⁴⁶ Авторский вклад соискателя в данной публикации составляет не менее 70% общего объема текста.